

О. Н. Павляк

КОНЦЕПЦИЯ ИДЕАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА В ЛИРИКЕ В. А. ЖУКОВСКОГО

Поэтические образы идеального пространства, созданные В. А. Жуковским, анализируются в контексте христианских представлений о рае.

This article analyses V. A. Zhukovsky's images of ideal space in the context of Christian notions of paradise.

Ключевые слова: лирика, романтизм, В. А. Жуковский, поэтическое пространство, христианство, рай.

Key words: lyric poetry, romanticism, V.A. Zhukovsky, poetic space, Christianity, paradise.

Для большинства художников, особенно если речь идет о художниках с романтическим мироощущением, характерно стремление к построению идеала, противостоящего несовершенному миру. Для этого поэты чаще всего обращаются к историческому прошлому, к культурно-религиозной традиции (Библии, историческим хроникам, эпосу древних народов, фольклору и т.д.), в которых находят необходимые образы, ситуации, сюжеты. Под воздействием авторской идеи они сублимируются и становятся основой для построения образа новой идеальной реальности. В этом смысле образ *рая* абсолютно уникален: эту реальность не надо выстраивать, она уже есть в сознании читателя, хотя и в разных модификациях.

В Ветхом Завете образ *рая* имеет вполне конкретные пространственные характеристики — это Восток, Эдем, сад. Собственно, само слово *рай* переводится с еврейского языка как «закрытый сад» — «это место, совмещающее в себе все, что было прекрасного в первозданной природе» [1, т. 2, с. 432]. Память об этом утраченном пространстве запе-

чатлена во фразеологическом обороте «рай земной» — «необыкновенно красивое место, в котором всего в изобилии, где можно счастливо и безмятежно жить» [2, с. 383]. В контексте Ветхого Завета это сад в Эдеме, закрытый от человека в наказание за грехопадение. В Новом Завете *рай* — категория исключительно духовная. Маркировка *рай небесный* обозначает мир высших ценностей и связывается с пространством Дома Отца Небесного.

Независимо от религиозной системы, рай — это прежде всего пространство гармонии и блаженства. Все вышесказанное определяет совершенно особое место категории *рай* в литературе вообще и в лирике в частности.

В эпоху романтизма обращение к образу *рая* становится особенно актуальным. Как известно, романтическая личность трагически ощущает утрату гармонии, в том числе и первородной. Поиск путей к ее возврату определяет внутреннюю динамику духовной жизни; не удивительно, что пространство *рая* становится идеалом, к которому эта личность устремлена. В. А. Жуковский, как никто другой, в силу своего характера, религиозной настроенности, жизненных обстоятельств стремился к тому, чтобы в рамках своей поэтической системы, в которой, несомненно, есть место романтической рефлексии, создать некую аксиологическую зону, где отношения человека с миром и человека с самим собой могли бы обрести гармоническое равновесие.

Как уже говорилось, *рай* — это пространство гармонии. Отсюда устойчивый образный ряд: *райская природа, рай земной, райская жизнь, райское блаженство*. Основной смысл этих образов преимущественно сводится к оценке красивого и счастливого существования. Весь этот ряд в той или иной мере представлен в художественном мире В. А. Жуковского, однако особое место в нем принадлежит образу *рая* как идеального пространства поэта.

К «Стихам, сочиненным в день моего рождения» стоит посвящение «К моей лире и к друзьям моим», в котором лира, символ поэтического дара, и дружба поставлены в один ценностный ряд. Описывая пространство, где им уготована доминирующая роль, поэт представляет свое жилище в духе батюшковской традиции:

Не нужны мне венцы вселенной,
Мне дорог ваш, друзья, венок!
На что чертог мне позлащенный?
Простой, укромный уголок,
В тени лесов уединенный... [3, с. 248]

Ценность маленького личного пространства выявляется при помощи столкновения разновеликих характеристик: «венцы вселенной» заменяются на «венок друзей» «позлащенный чертог» — на «укромный уголок». После того как из этого мира устранены ложные ценности и обозначены истинные, он принимает форму замкнутого круга, внутреннее содержание которого определяется только сердцем («всем милым сердцу окруженный»). Состояние поэта, обретшего *мир-круг*, маркируется как рай души:

Вот все — я больше не желаю,
В душе моей цветет мой **рай**¹ [3, с. 248].

¹ Здесь и далее в цитатах курсив — автора цитаты, жирный — автора статьи.

В поэтической системе В. А. Жуковского нередки случаи, когда автор выделяет ключевое слово курсивом, в данном случае это слово *мой*. Его выделенность укреплена повтором в границах одного стиха. «*Мой рай*» — это поэтический образ сугубо личного пространства внутренней гармонии, полнота которого обеспечивается присутствием в нем простоты, свободы, друзей и поэзии.

В стихотворении «Послание к Плещееву» Жуковский ведет внутренний диалог о ценностях мира поэта со своим собратом по перу. На этот раз понятие *рая* раскрывается в контексте религиозно-этического размышления о мире:

134

Прекрасен мир, но он прекрасен нами!
Лишь добрый в нем с отверстыми очами,
А злобный сам себя очей лишил!
Не для него природа воскресает,
Когда в поля нисходит светлый май;
Где друг людей находит жизнь и **рай**,
Там смерть и ад порочный обретает [3, с. 157–158].

Примечательно, что мир *настоящего*, обычно связанный в романтизме со всевозможными пороками, у В. А. Жуковского получил наименование «прекрасный», но с принципиально важным уточнением: «прекрасен **нами**». Таким образом, в оценке поэтом мира доминирует этическая составляющая. Очевидно, что любая этическая оценка существует в пределах той или иной аксиологической системы, в данном случае христианской. Об этом свидетельствуют несколько факторов. Во-первых, Жуковский переносит акцент с внешнего созерцания на внутреннее (мир прекрасен не сам по себе, а от того, какие «мы»), тем самым внутреннее содержание становится определяющим («Царство Божие внутри нас»). Во-вторых, понятие добра выступает как духовный ориентир, формирующий картину мира. Как следствие этого, психологический пейзаж через изображение преобразования в природе («природа воскресает», «нисходит светлый май») отражает состояние возрождения души. Опозиция *добро* – *зло* выводится из другой, не менее значимой опозиции: *зрение* – *слепота* («добрый... с отверстыми очами» — «злобный сам себя очей лишил»). Понятия *зрение* и *слепота* в данном случае, безусловно, относятся к духовной сфере, и в этом смысле такая позиция имеет глубокие христианские корни. Нравственное прозрение становится непременным условием построения внутреннего пространства духовного рая.

В стихотворении «Тайный посетитель» образ *рая* возникает как пространство, подарившее миру чудесный «призрак», посланца Неба. Вся лирическая ситуация состоит в тщетной попытке разгадать тайну «прекрасного гостя». От строфы к строфе последовательно предлагаются наименования «таинственного посетителя» — Надежда, Любовь, Дума, Поэзия, Предчувствие («небесного... святого»). Написание с большой буквы определяет их личностный и ценностный статус. Ни одно из этих наименований не отвергается лирическим героем, но и не укрепляется в позиции абсолютно верного. Создается некое поле зна-

чений, объединяющее в единое целое нравственные, эстетические и религиозные категории. Место обетования «таинственного посетителя» априори загадочное: «неведомый... неземной край», «минувшее», «рай», «небесное... святое».

Иль в тебе сама святая
Здесь Поэзия была?..
К нам, как ты, она из **рая**
Два покрыва принесла:
Для небес лазурно-ясный,
Чистый, белый для земли:
С ней все близкое прекрасно;
Все знакомо, что вдали [3, с. 122].

135

Как видно из этого отрывка, «Поэзию» и «таинственного гостя» связывает единое пространство рая. Очевидно, что они обладают характеристиками, принадлежащими к одной аксиологической системе: Поэзия названа «святой», «явлением... с небес». Согласно В. И. Далю, «святой» — «все, что относится к Божеству... духовный божественный, небесный. *Святой Дух*, третья ипостась, выражающая деятельность Божественную» [4, т. 4, с. 36]. Как известно, «Небо» в христианской аксиологии связывается с пространством Бога, кстати, в ряду многих значений этого слова В. И. Даль приводит следующее — «духовный мир... рай, небесное царство» [4, т. 2, с. 417]. То, что образ рая в данном тексте восходит к христианской традиции, подтверждает дальнейшее развитие лирической ситуации. *Небо* и *земля* не только не разводятся по полюсам, как это обычно бывает в поэтической системе романтизма, но, напротив, сближаются и гармонизируются. В этом смысле очень важен образ «двух покровов». Во-первых, оба «покрыва», для *земли* и для *неба*, равно связаны с раем Небесным («...из рая // Два покрыва принесла»). Во-вторых, цвета, в которые они окрашены («Для небес лазурно-ясный, // Чистый, белый для земли»), создают мягкую пластичную картину единого пространства, между ними нет зрительного контраста. На символическом уровне они максимально сливаются: «голубой, золотой и белый — эмблемные цвета Бога, христианства» [5, с. 103]. Как известно, лазурный и голубой практически совпадающие цвета («цвет ясного неба», «светло-синий»). Первоначально функцию обозначения голубого цвета в русском языке выполняли слова *лазоревый*, *лазурный*. В словаре В. Даля голубой и лазурный определяются одно через другое. Возвращаясь к образу «лазурно-ясного (голубого) покрыва», следует заметить, что голубой цвет сам по себе, а уж тем более в сочетании со словом «покрыв», в христианстве символизирует одежду Богородицы. Что же касается слова «чистый», то оно не только вносит дополнительный нюанс в зрительный образ, но и уточняет духовную сущность этого образа — «непорочный, прямой... верный и т. д.» [4, т. 4, с. 402].

Картина единения *неба* и *земли* укрепляется еще и благодаря тому, что здесь устранен обычный для романтизма пространственный разрыв между «близким» и «далеким» («С ней все близкое прекрасно; // Все знакомо, что вдали»). Очевидно, что «святой Поэзии» отводится роль гармонизирующего начала, позволяющего преодолеть романтическое двоemiрие. Мир в сознании лирического героя обретает целостность, и это отражает духовное состояние спокойного равновесия. Пре-

образование, совершенное «святой Поэзией», объясняется природой ее происхождения — она «из рая».

Таким образом, маркируя идеальное пространство как рай, В. А. Жуковский вносит в него исключительно христианское содержание. Самые разнообразные семантические нюансы, эмпирические или метафизические реалии, выраженные открыто или ассоциативно, устремлены к изображению рая как сферы внутренней духовной гармонии.

Список литературы

1. *Христианство*: энциклопедический словарь: в 3 т. М., 1995.
2. *Христианство*: словарь. М., 1994.
3. Жуковский В. А. Соч.: в 3 т. М., 1980. Т. 1.
4. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М., 2001.
5. Рядчикова Е. Н., Скворцова И. А. Субъективация и психологизм цветообозначений в языке поэзии // Языковая структура и социальная среда: межвуз. сб. науч. трудов. Воронеж, 2000.

Об авторе

Ольга Николаевна Павляк, канд. филол. наук, доц., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, e-mail: pavlyakon@rambler.ru

About author

Dr. Olga N. Pavlyak, Associate Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, e-mail: pavlyakon@rambler.ru